

Бумага в Хуавэй на вес золота

За этими словами последовал взрыв смеха.

В смехе том не было злого умысла, скорее простое любопытство и удивление, словно толпа увидела двух собак, усевшихся за обеденный стол.

Но Мэн Хэцзэ от этого стал лишь злее.

Он обернулся на звук и увидел под плакучей ивой, в беседке у воды, группу девушек — одни сидели, другие стояли, весело смеясь и переговариваясь. Вокруг них суетилась толпа юношей в ярких одеждах: кто-то обмахивал их веерами, кто-то подносил дыни, фрукты и сладости, и все они показывали пальцами на двух учеников внешней школы.

Мэн Хэцзэ вспыхнул, его кулаки сжались.

— Что я только что сказал? — вдруг спросил Сун Цяньцзи.

Мэн Хэцзэ глубоко вздохнул, и его кулаки медленно разжались.

— Прорыв близок. Избегать спешки, не поддаваться гневу.

— Если тебе трудно, лучше возвращайся, — посоветовал Сун Цяньцзи, желая ему добра.

Но в Мэн Хэцзэ проснулся дух соперничества. Он решил использовать эту ситуацию для закалки своей воли.

«Если старший брат Сун может оставаться невозмутимым, почему я не смогу?»

Они пошли дальше, удаляясь от толпы.

А в беседке у воды смех не утихал.

Чэнь Хунчжу сидела спиной к озеру и не разглядела, что это были за ученики, но, услышав слова, лишь нахмурилась.

Если бы это сказал кто-то другой, можно было бы счесть это невинной шуткой. Но говорившая сидела напротив неё, и на её лице было написано торжество и самодовольство, словно она

бросала тень на школу Хуавэй, намекая на отсутствие порядка и слабую дисциплину среди учеников внешней школы.

Хоть и говорят, что сор из избы не выносят, но с тех пор как другие школы поселились в Хуавэй, они уже были наслышаны о положении дел во внешней школе.

Внешняя школа Хуавэй славилась своей «неуправляемостью».

За ту же грязную и тяжёлую работу здесь приходилось платить вдвое больше, чтобы хоть кто-то из учеников согласился её выполнять. Ученики не проявляли ни преданности, ни самоотверженности по отношению к школе. Вся их почтительность и преклонение были обращены лишь к одному человеку.

Чэнь Хунчжу стало досадно. Она знала, кто был виновником всех этих перемен.

И была бессильна что-либо сделать.

Она сменила тему:

— Фэн Цзыи, ты говорила про спор. Так будем спорить или нет? Или ты испугалась?

Сидевшая напротив неё девушка в фиолетовом платье, с серебряным ожерельем-колокольчиком на шее и цветком из яшмы Цюн в волосах, рассмеялась так, что цветы на её платье затрепетали, а колокольчики зазвенели. Она была ослепительно красива.

— Конечно, будем! Эта жемчужина — Жемчужина Короля Цзяо из Южного моря, она способна раздвигать воду и умирять морских зверей. Мне посчастливилось её добыть. Сегодня, если кто-то из вашей школы Хуавэй сможет её заполучить, пусть забирает!

На нефритовый стол легла светло-бирюзовая жемчужина. Внутри неё словно переливались бирюзовые волны, озаряя всю беседку сиянием.

— Я добавлю кое-что от себя к выигрышу сестры. Эта нефритовая подвеска с облачным узором содержит малую защитную формацию, способную выдержать удар совершенствующегося стадии Золотого ядра, — со скромным видом произнёс один из юношей, стоявших позади неё.

— Не бог весть какая ценность, просто для развлечения.

Вслед за ними и другие школы стали выкладывать свои ставки:

— Я тоже добавлю кое-что.

— Тогда и я не останусь в стороне.

В мгновение ока нефритовый стол был завален разнообразными магическими артефактами и сокровищами, не только полезными и дорогими, но и изящными на вид.

Школа Хуавэй безраздельно властвовала на континенте Тяньси, что казалось великим достижением. Но континент Тяньси был самым маленьким из четырёх и самым бедным духовной энергией.

На трёх других континентах процветали такие первоклассные школы, как Академия «Зелёный Утёс», Храм Красных Листьев, Школа Божественной Мелодии, Обитель Пурпурных Облаков, Школа Даянь, а также могущественные кланы совершенствующихся — Чжао, Лю, Вэй, Фэн и многие другие.

Кто бы ни становился хозяином Собрания «Достичь известности», ему всегда приходилось проходить через определённые «испытания».

Перед началом Собрания молодое поколение под предлогом развлечений устраивало тайные состязания, мерясь и богатством, и мастерством.

Рядом с Чэнь Хунчжу сидело семь-восемь учеников школы Хуавэй, все они были личными учениками старейшин и владык пиков. Они тоже выложили свои сокровища.

Снаружи они держались с показной щедростью, но кто-то втайне передал Чэнь Хунчжу мысленное сообщение.

«Старшая госпожа, если мы проиграем, можно будет попросить старшего брата возместить убытки?»

Чэнь Хунчжу в гневе мысленно ответила ему:

«Проиграете — и ещё смеете просить о возмещении? Это дело чести школы! Проиграете — все отправитесь медитировать к Утёсу Разрушенной Горы!»

Как хозяева они не могли проиграть.

Это было состязание, затеянное молодыми девушками, и даже если оно выйдет из-под контроля, всегда можно было сказать: «Девушки молодые, неразумные, не рассчитали сил», — и всё спустить на тормозах, не нарушая общего мира и не влияя на большую политику.

Юань Цинши не пришёл. Как и прокторы академии, вроде Цзы Е Вэньшу, и другие старшие ученики, державшие на своих плечах репутацию школ. Они сидели в павильоне в центре озера,

попивая чай и рассуждая о Дао, и лишь издалека наблюдали за происходящим.

Шесть Мудрецов с Зелёного Утёса тоже не пришли — они ещё не оправились от унижения во дворе Суна и боялись насмешек.

— Итак, ставки сделаны. Как будем состязаться? — спросила Чэнь Хунчжу. — Говорите, мы на всё согласны!

Фэн Цзыи с улыбкой ответила:

— На Изящном Собрании «Достичь известности» и так будут состязания в игре на цитре, ци, каллиграфии и живописи, так что в этом нам соревноваться нет смысла. В искусстве талисманов нам не сравниться с учениками академии, в алхимии и прорицании — с Обителью Пурпурных Облаков, а в управлении духовными зверями вы не сможете превзойти мою Школу Даянь... У каждой школы свои сильные стороны, так что состязаться в чём-то узкоспециализированном будет нечестно. Давайте выберем то, что умеют все, чтобы ни у кого не было преимущества.

Все согласились.

— Тогда давайте состязаться в самом базовом, в том, что мы все изучали! — сказала Чэнь Хунчжу.

Фэн Цзыи повернулась к озеру.

Вечернее небо алело, озеро Яогуан сверкало золотом, бескрайняя гладь воды переливалась на солнце. У павильона в центре озера виднелось несколько молодых лотосов, их листья покачивались на ветру, изящные и стройные.

— Давайте так, — предложила она. — От каждой школы выйдет по одному человеку, состязаться будем в технике лёгкого тела. Кто первым сорвёт лист лотоса у павильона в центре озера, тот и победил. Все эти сокровища — его. Разумеется, нельзя использовать никакие артефакты для ускорения!

«Это всё равно что дать вам преимущество, — подумала Чэнь Хунчжу. — Кто не знает, что вы, когда только начинаете учиться управлять зверями, первым делом учитесь от них убегать, так что техника лёгкого тела у вас у всех отменная».

Но хозяевам положено быть великодушными. Она оглядела своих учеников:

— Хорошо.

Среди тех, кого она сегодня привела, был один личный ученик владыки пика, который славился своим быстрым мечом и, соответственно, быстрым передвижением.

Представители других школ, не сговариваясь, тоже быстро определились с участниками.

Они вышли из беседки и, собравшись под ивой у берега, начали тайно накапливать ци, готовясь к старту.

Сун Цяньци медленно шёл по кромке воды, полы его одежд уже намокли. Время от времени он останавливался, подбирал несколько камней, присаживался на корточки, чтобы потрогать ил, а затем закрывал глаза, на мгновение замирая, и шёл дальше.

Он был полностью поглощён своим занятием и, казалось, не замечал снующих туда-сюда людей, словно на всём берегу был только он и это озеро.

А Мэн Хэцзэ, наоборот, не мог оторвать глаз от всего происходящего, всё вокруг было для него в новинку.

Кто-то выгуливал пушистого и милого трёххвостого кота. Мэн Хэцзэ подумал, что в мире существуют такие ласковые и ручные духовные звери. Он задался вопросом, какого они вида. А те звери, которых он кормил на работе, — точно ли они духовные? Почему они все такие свирепые и норовят укусить?

Кто-то хвастался перед спутниками своим магическим артефактом, сияющим и переливающимся. Мэн Хэцзэ с гордостью подумал, что его чётки из красного духовного нефрита всё равно красивее.

Кто-то обменивался пилюлями, и их аромат разносился ветром. Мэн Хэцзэ с сожалением подумал, что у него нечего предложить в обмен.

Кто-то читал стихи, и голос его, хоть и негромкий, был полон такой силы, что от него закладывало уши. Мэн Хэцзэ с досадой подумал, что это, должно быть, соратники тех Шести Мудрецов с Зелёного Утёса.

Кто-то рисовал в воздухе кистью для талисманов, и там, где проходила кисть, оставался слабый светящийся след. Мэн Хэцзэ с тревогой подумал, что это, скорее всего, мастера талисманов, и выглядели они весьма грозно. Старший брат Сун тоже записался на испытание каллиграфии и живописи, но он ни разу не видел, чтобы тот тренировался.

Весть о приезде Мудреца каллиграфии разнеслась не только в школе Хуавэй, но и по всему миру совершенствующихся. Мастера талисманов со всех уголков мира съезжались в город

Хуавэй.

Если раньше Сун Цяньцзи мог в тайной лавке обменять один талисман вскармливания ци на двести духовных камней, то теперь, всего за несколько дней, цены на базовые талисманы, такие как талисман вскармливания и талисман сбора ци, начали падать.

Зато цены на бумагу, киноварь и кисти для талисманов взлетели до небес. Состязание мастеров талисманов привело к удивительному торговому феномену, который в народе прозвали «бумага в Хуавэй на вес золота».

Мэн Хэцзэ шёл вдоль берега, и перед его глазами медленно разворачивался длинный свиток, полный невиданных чудес.

Чувства его были смешанными. Он и эти люди жили в одном мире, были одного возраста и шли по одному пути совершенствования, но их ресурсы и возможности были настолько разными, что казалось, они принадлежат к разным видам.

Он ещё больше зауважал Сун Цяньцзи за то, что тот совершенно не обращал внимания на эти новые и странные для него сцены.

Он и не подозревал, что для других они выглядели не менее странно.

Два ученика внешней школы, бредущие вдоль берега. Тот, что шёл позади, с приоткрытым ртом, как деревенщина в городе.

Тот, что впереди, кажется, что-то искал, и искал очень сосредоточенно.

Мэн Хэцзэ мысленно повторял: «Сосредоточься, умири ци, закаляй волю», — и перевёл взгляд на Сун Цяньцзи, который снова присел на корточки.

— Старший брат Сун, что ты делаешь?

— Ищу лучший ил.

— А ил бывает разным? — удивился Мэн Хэцзэ. — Он же в одном озере, это же просто грязь!

— Конечно, бывает. Только на самом лучшем иле вырастут лучшие лотосы и созреют самые сладкие корни, — ответил Сун Цяньцзи.

— Я научусь готовить суп из корня лотоса! — загорелся Мэн Хэцзэ.

— О супе потом, — сказал Сун Цяньцзи и встал. — В этом озере много духовной энергии, оно отлично подходит для выращивания лотоса. По моим ощущениям, чем глубже, тем больше там органики. — Он указал пальцем. — Видишь павильон в центре озера? Ил на корнях тех нескольких лотосов наверняка самый лучший.

— Не утруждай себя, старший брат, я принесу! — поспешно сказал Мэн Хэцзэ.

Не успел он договорить, как уже взмыл в воздух и устремился к озеру.

Техникам лёгкого тела и сокрытия дыхания Мэн Хэцзэ обучил Сун Цяньцзи на Утёсе Разрушенной Горы. С их помощью он одолел всех соперников во внешней школе.

Теперь он отточил эти навыки до совершенства. В скорости с ним не могли сравниться даже многие совершенствующиеся стадии Создания основы.

Однако в тот же миг, как он сорвался с места, из-под ивы, словно стрелы, вылетели семь-восемь фигур и тоже устремились к павильону в центре озера.

А затем ещё три-четыре человека, подобно ястребам, взмыли в небо и, обогнав остальных, приблизились к Мэн Хэцзэ.

Поверхность озера мгновенно покрылась снующими туда-сюда фигурами, они преследовали друг друга, их ци сталкивалась, поднимая волны.

Сун Цяньцзи замер.

«Неужели? Чтобы добыть немного ила, нужно драться? Конкуренция за посадку лотоса настолько высока?»

Мэн Хэцзэ, не касаясь ногами воды, летел над поверхностью озера. Внезапно он почувствовал за спиной пронзительный свист ветра и, не оборачиваясь, понял, что кто-то приближается.

Он не знал, зачем этим людям понадобилось то же самое, что и ему. Но павильон был уже близко. Лучше быстро набрать ила и оставить им это озеро для их разборок.

Он был на пороге прорыва, его ци была на пике. Он ускорился, вытянул руку, погрузил её в воду и, словно клещами, схватил корень лотоса, а затем с силой дёрнул.

Как говорится, вытащишь редьку — вытащишь и землю. С лотосом то же самое.

Мэн Хэцзэ успел увернуться, и комья грязи обдали тех, кто был позади.

На берегу раздались одобрителные возгласы.

Мэн Хэцзэ, ничего не понимая, обернулся и улыбнулся.

— Осторожно! — вдруг крикнул Сун Цяньци.

<http://bllate.org/book/16982/1586949>